

18+

Гайк Октемберян

Посвящение Исиды

Том второй. Обитатели порога

Гайк Октемберян

**Посвящение Исиды. Том
второй. Обитатели порога**

«Издательские решения»

Октемберян Г.

Посвящение Исиды. Том второй. Обитатели порога /
Г. Октемберян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982984-9

Е. П. Блаватская говорила о том, что если появились фальшивые деньги, то это ещё не значит, что нет и не было настоящих. Эта книга о настоящих «деньгах».

ISBN 978-5-44-982984-9

© Октемберян Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть четвёртая: ОБИТАТЕЛИ ПОРОГА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Посвящение Исиды Том второй. Обитатели порога

Гайк Октемберян

© Гайк Октемберян, 2020

ISBN 978-5-4498-2984-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-2981-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть четвёртая: II

ПОСВЯЩЕНИЕ ИСИДЫ – 2

Часть четвёртая: ОБИТАТЕЛИ ПОРОГА

1. Когда я проснулся **ВТОРОГО** декабря, ранним утром, в **ДВУХ** шагах от меня послышался какой-то странный шорох. Шорох доносился с той стороны, где как раз накануне я под тахтой, которую вручную смастерил несколько лет назад, у одной её ножки, установил мышеловку. Я лежал на кровати с **ОТКРЫТЫМИ** глазами и боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть появившуюся мышшь. Минута прошла в **ПОЛНОЙ** тишине. Я ждал удара мышеловки, и это держало меня в **НАПРЯЖЕНИИ**.

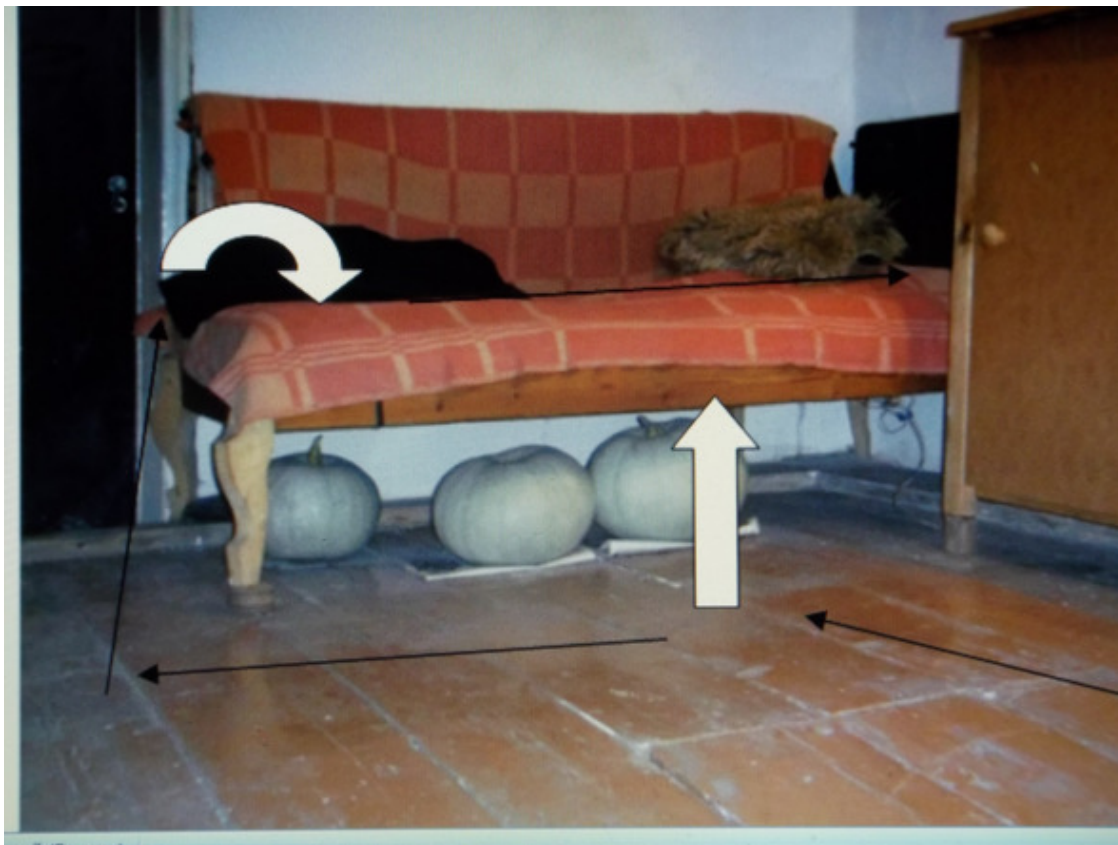
И я так раздумывал сам с собою: – Ну, что, Луций, стоишь, чего ещё худшего ждёшь? Смерть, и при том жесточайшая, решена тебе на совете разбойников. Привести это зло в исполнение не стоит никакого труда: видишь, совсем близко высокие скалы, усеянные острейшими камнями, которые в тело тебе вонзятся, и раньше, чем ты умрёшь, на клочки тебя раздерут. Ведь эта знаменитая магия твоя, дав тебе образ и тяготы осла, не ослиной кожей тебя снабдила, а тонкой кожицей, как у пиявки.

АПУЛЕЙ, «Золотой осёл», книга шестая – 26

*И нашлись же такие **УЧЁНЫЕ**, которые дали такое объяснение этому месту: Луций хочет сказать, что острые камни пробьют его толстую ослиную шкуру с такой же лёгкостью, как тонкую кожицу пиявки.*

Удара мышеловки я не услышал. По полу в мою сторону что-то направилось. Что-то двинулось к кровати, и это что-то было **ОКРУЖЕНО** чем-то, что было **ПЛОТНЕЕ** воздуха. В мою сторону словно повеяло этим движением. Я лежал где-то в семидесяти сантиметрах от уровня пола, а воздух над тем, что двинулось в мою сторону, ко мне, был как **ПЛОТНЕЕ** и **ВПОЛНЕ** осязаем.

Эта «мышь» как собралась влезть ко мне на кровать. Меня **ОХВАТИЛА НЕОБХОДИМОСТЬ УСПЕТЬ** помешать этой мыши, и тут обнаружилось, что я не могу пошевелиться. А «мышь» стала пытаться **ПОДТЯНУТЬСЯ** наверх ко мне. Мне казалось, что я её вот-вот увижу на краю кровати. Она, как кошка, встала на задние лапы, чтобы, вцепившись передними лапами за край одеяла, которое свисало вниз, стала силиться **ПОДТЯНУТЬСЯ** ко мне. Мне всё это только всё сильнее начинало не нравиться, и **НЕОБХОДИМОСТЬ УСПЕТЬ** помешать этой «мышь» влезть ко мне на кровать, только сильнее **ОХВАТИЛА** меня. Я оказался скован какой-то непреодолимой **ТЯГУЧЕСТЬЮ**. И меня она всё сильнее начинала злить. Меня злило предательство не подчинявшегося мне моего собственного тела. Я изо всех сил старался заставить моё тело подчиниться мне. Я мог поворачивать головой. Способность двигаться у меня заканчивалась у ключиц.

У этой «мышь» словно возникли какие-то затруднения. Она не смогла **ПОДТЯНУТЬСЯ** вверх на кровать и двинулась в сторону ног. Я продолжал удивляться тому, что насколько осязаемыми были для меня её перемещения по полу. И она как кошка со стороны ног прыгнула ко мне на кровать. Я даже почувствовал, как просело то место рядом с моими ногами, на углу кровати, под её тяжестью. Она словно собралась по моим ногам начать двигаться к моей голове. Неподвижность моего тела ещё сильнее стал злить меня, потому что она **ДЕЛАЛА** меня каким-то **БЕЗЗАЩИТНЫМ** перед какой-то тварью.

Я лежал на левом боку спиной к стене и на себе эту «мышь» так и не почувствовал. По всей видимости, мне, **СОПРОТИВЛЯЯСЬ**, удавалось ей помешать **СДЕЛАТЬ** то, что она собиралась **СДЕЛАТЬ**. Через пару секунд я увидел очертания крысы, которая пробежала мимо моего лица, в пятнадцати сантиметрах от него. С кровати она не спрыгнула. Она бесшумно пропала и всё. Ко мне тут же вернулась власть над моим телом.

В **ПЕРВЫЙ** раз меня так парализовало в прошлом году, **ВТОРОГО** августа 1997 года, когда я услышал журчание невидимой влаги. А **ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО** марта 1994 года моё тело не было парализовано. В нём словно не было того, что могло быть парализовано.

14 декабря 1998 года в 22 часа 40 минут мне пришлось разбудить отца. Во сне он словно оказался в состоянии крайней беспомощности: он так отчаянно и жалобно кому-то что-то хотел сказать или что-то **СДЕЛАТЬ**. Мы ложились спать в противоположных по диагонали углах дома. И в тот вечер мы легли спать за полтора часа до того, что произошло.

Я что-то почувствовал и проснулся. Затем услышал как отец, словно оказавшись в каком-то крайнем бессилии и в крайней беспомощности, пытался кому-то что-то сказать. Света от Луны **ВПОЛНЕ ХВАТАЛО** на то, чтобы его можно было видеть. Он лежал на правом боку, лицом в мою

сторону, подложив правую руку ладонью под голову. Левая рука лежала вдоль его тела. Из того, что он пытался сказать, **НИЧЕГО** нельзя было разобрать. Я смотрел в его сторону и подумал о том, что и со мной во сне может происходить то же самое, когда что-то начинает меня мучить. Когда отец снова и снова в крайнем отчаянии пытался что-то кому-то сказать, я несколько раз, раз за разом, позвал его по имени, чтобы он проснулся.

Он стал рассказывать о том, что с ним произошло. Во сне рядом с его кроватью, на которой он лежал, находилась кровать его отца, и его отца рядом не было. Его отец умер больше **ДВАДЦАТИ** лет тому назад. И тут он почувствовал, что на него со стороны ног кто-то очень сильный стал наползать с явным намерением сдавить его и задушить. Нижняя часть тела и руки моего отца уже оказались стиснуты какой-то мёртвой **ХВАТКОЙ** настолько, что он был уже не в силах повернуть свою голову и посмотреть на того, кто стал наползать на него, наваливаясь всем телом. Но он смог понять, что тот был каким-то очень тёмным. Наползавший на него словно поглощал его. Мой отец оказался совершенно беспомощным перед ним и стал отчаянно звать на помощь своего отца, который так и не появился. Тогда мой отец стал звать на помощь своего брата, который тоже так и не появился. В крайнем отчаянии он стал звать Иисуса, в надежде, что Бог ему поможет.

Когда люди оказываются беспомощными и только тогда вспоминают о Боге, в этом что-то забавное было для меня. Мне как-то смешно стало, когда отец сказал о том, что ему пришлось Бога звать на помощь. Но отец заметил, что когда он начинал кого-то звать, тот, кто наползал на него, в это время замирал, но потом снова продолжал наползать на него.

И тут ему показалось, что в соседней комнате находится его мать. Она умерла ещё до моего рождения. Получалось так, что когда я смотрел в его сторону, он это почувствовал. Он стал звать свою мать на помощь. Он кричал ей, чтобы она поскорее взяла какую-нибудь палку и ударила того, кто на него наползал. «Сейчас!!» – услышал он от неё, когда я позвал его по имени. И тот тёмный сразу оставил его и куда-то исчез.

После того, что мне рассказал отец, я подумал о том, что смерть может вот так приходить к людям. Потом отец после того, что произошло с ним, несколько раз говорил мне, что это из-за меня с ним такое случилось. А я обратил внимание на то, что когда в нашем доме что-то появлялось, я уже начинал просыпаться. **ВТОРОЙ** раз я проснулся до того, как что-то необычное начинало происходить.

Было около десяти часов утра, когда я **ДВАДЦАТЬ** третьего декабря вернулся с работы домой и увидел сестру. Оказалось, что она приехала к нам накануне вечером. Она приехала за документальным подтверждением наличия у неё российского гражданства. Она с семьёй собиралась в скором времени перебраться жить в Германию. Я обратил внимание на нити, которыми плелась наша судьба. У сестры была такая же тёмная шуба и такая же светлая меховая шапка, как у Татьяны. И её мужу **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно было отправляться в Новосибирск, чтобы сдавать там экзамен на знание немецкого языка.

Вечером сестра во **ВТОРОЙ** раз собралась спать на том месте, где спал отец. Отец лёг спать рядом со мной. Когда сестра уснула, я решил всё же встать и положить рядом с ней на кровать широкий кожаный пояс с нержавеющей металлическими пластинками, которые я вручную вытачивал, которые были вплетены в пояс тонкими кожаными ремешками. Несколько лет назад в одной радиопередаче рассказывалось о том, что что-то железное может служить **ЗАЩИТОЙ** от тёмных сил. Я понадеялся на то, что **ЗАЩИЩАТЬ** будет то, что мне продолжительное время пришлось выпиливать, вытачивать эти металлические пластинки.

Я и отец легли спать одетыми и накрылись одним тонким одеялом. И я опять проснулся среди ночи до того, что стало происходить. И сначала я как **НЕ ВПОЛНЕ** осознавал то, что стало происходить. Чья-то рука вползла ко мне между бёдрами. И это рука была **ВПОЛНЕ** осязаемой. Я лежал на левом боку с небольшим разворотом на спину верхней частью тела и никакого страха и беспокойства не почувствовал. Моё и было обращено вверх, к потолку. **НЕ УСПЕЛ** я ещё как следует проснуться, как кто-то указательным и средним пальцами другой руки взял и сильно надавил мне на секунду сразу на оба глаза. И сразу после этого другая рука **СХВАТИЛА** мои яйца, сжала их и **ПОТЯНУЛА**. Это вызвало во мне сильное возмущение, а обнаружившаяся при этом неподвижность моего тела просто разозлила меня. Я **ОТКРЫЛ** глаза – никого и **НИЧЕГО** перед собой не увидел. А когда повернул голову влево и увидел выражение **ПОЛНЕЙШЕЙ** безмятежности на лице отца, меня это уже взбесило. Отец сладко спал на правом боку. Его лицо было обращено ко мне, и находилось в пятнадцати сантиметрах от моего лица. Как он мог так сладко рядом спать и **НИЧЕГО** не замечать, когда какая-то тварь полезла ко мне с какими-то издевательскими штучками?! Когда к нему кто-то полез девять дней назад, я же вовремя **УСПЕЛ** к нему на помощь! Девять дней назад он лежал на кровати в дальнем, по диагонали, углу дома, когда я проснулся. А тут он лежал рядом со мной и продолжал сладко спать!

Всё моё тело, кроме головы, мне не подчинялось. Со злостью я несколько раз позвал своего отца по имени, но мои губы только беззвучно шевелились раз за разом. Даже воздуха в **ЛЁГКИЕ** мне, как следует, не удавалось набрать. Мне удавалось только каким-то очень слабым шёпотом выдыхать имя отца раз за разом. Я только всё сильнее начинал злиться от такой

своей беспомощности. Мне **НЕОБХОДИМО** было как можно скорее **УСПЕТЬ** избавиться от неё. Я позвал отца ещё раз, потом ещё раз. Парализованность моего тела прошла, но злость моя на отца не прошла. Я толчком разбудил его и рассказал о том, что произошло, и стал упрекать его в том, что он остался как в стороне от меня и не помог мне.

Сестру никто не побеспокоил. Я не мог себе представить, что как и где находился тот, кто надавил пальцами на мои глаза. Он, что, стоял на полу, и его ноги проходили сквозь кровать? Как ему удалось сквозь одеяло и мою одежду просунуть свою руку ко мне между ног?

Вечером 3 января 1999 года, где-то в половине шестого часа, от ключицы снизу вверх с левой стороны по поверхности кожи у меня пробил как разряд тока. И этот разряд был очень болезненным. Ко времени окончания школы я стал замечать у себя такие болезненные разряды. Они били снизу вверх или в подчелюстную область, или в основание черепа. И в этот вечер через полчаса отец сказал мне, что кто-то пальцами ткнул ему в живот. Он лежал на своей кровати, на спине.

5 января 1999 года я обнаружил жемчужину **ДОЛЖНОГО** во сне. Страшная угроза в этом сне заставила меня проснуться через час и **ДВАДЦАТЬ** минут после полуночи. Этой ночью я оказался в стороне от села, на склоне холма за прудом, из которого вытекал ручей, который протекал совсем недалеко от нашего дома. На склоне холма за мной погнался человек огромного роста. Он был таким же чёрным, как та крыса, которую я увидел **ВТОРОГО** декабря 1998 года. Ни глаз, ни лица у него не было. Ему я **НИЧЕГО** не мог **СДЕЛАТЬ**, потому что он был сильнее любого человека.

Страх я не чувствовал. Мне удавалось убежать от него, заворачивая резко вправо или влево. По прямой он точно меня бы догнал. А так, он терял скорость на поворотах. Бежали мы как по **ПЕРВОМУ** выпавшему снегу. Эти несколько сантиметров снега нисколько мне не мешали убежать от него. Я бежал в сторону села. Но не в это село на Алтае мы забежали, а в тот город, из которого нам пришлось уехать.

С отцом я много раз отправлялся прогуляться по полям за городом. Мы выходили из нашего дома, из пятиэтажки, переходили дорогу, затем почти по диагонали пересекали школьное футбольное поле, потом снова переходили ту дорогу, которая **ДЕЛАЛА** поворот налево за углом этого футбольного поля, и нам оставалось пройти мимо одного ряда одноэтажных домов, чтобы оказаться за чертой города. И вот с этого места, где мы выходили за черту города, я и этот чёрный человек и забежали на это школьное футбольное поле. Подбегая к пятиэтажке, в которой мы тогда жили, я резко повернул в правую сторону от неё. Это произошло рядом с тем местом, где стояли **ДВА** деревянных столба с перекладиной, футбольные ворота. Чёрный человек отстал от меня и пошёл шагом в сторону пятиэтажки. Я остановился и посмотрел ему в спину. Мне даже известно было его имя. Откуда я мог его знать? Это был **Бао**. Рост у него был где-то **ДВА** метра и сорок сантиметров. На этом месте я **ДВАДЦАТЬ** или девятнадцать лет назад проснулся.

В то время каждый, кого принимали в пионеры, был **ОБЯЗАН** выписывать газету «Пионерская правда». Когда я получил **ПЕРВЫЙ** номер этой газеты, в ней увидел кадр из фильма, который был снят в 1967 году в Калифорнии Роджером Паттерсоном и Бобом Гимлином. Этот фильм длился всего одну минуту. В этом кадре из фильма было видно, как через **ОТКРЫТУЮ** поляну бежит волосатое существо, чей рост намного превышал обычный человеческий. Когда наступила ночь, во сне я увидел гнавшегося за мной чёрного человека очень высокого роста. Он не был волосатым. Какая-то туманная тонкая и подвижная граница **ДЕЛАЛА** его мощную фигуру не резко очерченной. И этот сон вызвал у меня сильное ощущение тревоги. Неизбежность какой-то опасности долго не давала мне покоя.

Рост этого чёрного человека намного превышал рост моего отца. Тогда я решил, что его рост был где-то 180 сантиметров. И судил я об этом относительно своего роста. А какой рост

был у меня **ДВАДЦАТЬ** лет назад? 135 сантиметров? Когда этот чёрный человек **ДОЛЖЕН** был погнаться за мной, рост у меня **ДОЛЖЕН** был быть не 135 сантиметров, а 180 сантиметров. И это выяснилось через **ДВАДЦАТЬ** лет. И выяснилось, что рост чёрного человека намного больше. Я был ниже этого чёрного человека на четверть от его роста.

$$135 / 180 = 0,75$$

$$180 / 240 = 0,75$$

$$\frac{3}{4} = 0,75$$

Когда я с **ОБЛЕГЧЕНИЕМ** подумал, что **Бао** отстал от меня и что он больше за мной не погонится, он тут же развернулся и бросился ко мне. Я почувствовал всю несокрушимую его мощь. Мне оставалось бежать только в сторону газовой котельной через дорогу. Но в этом месте с дороги на обочину сгребли столько снега, что моим ногам уже слишком глубоко пришлось бы уходить в него. Глубокий снег меня задерживал. **УСПЕТЬ** убежать от **Бао**, от той смертельной опасности, которая исходила от него, я уже не мог. И я сильно закричал. Крик остался **ЕДИНСТВЕННЫМ**, что я ещё **УСПЕВАЛ СДЕЛАТЬ**, что **УСПЕВАЛ** оставить после себя. Мне нужно было оставить какое-то свидетельство тому, что вот-вот могло произойти.

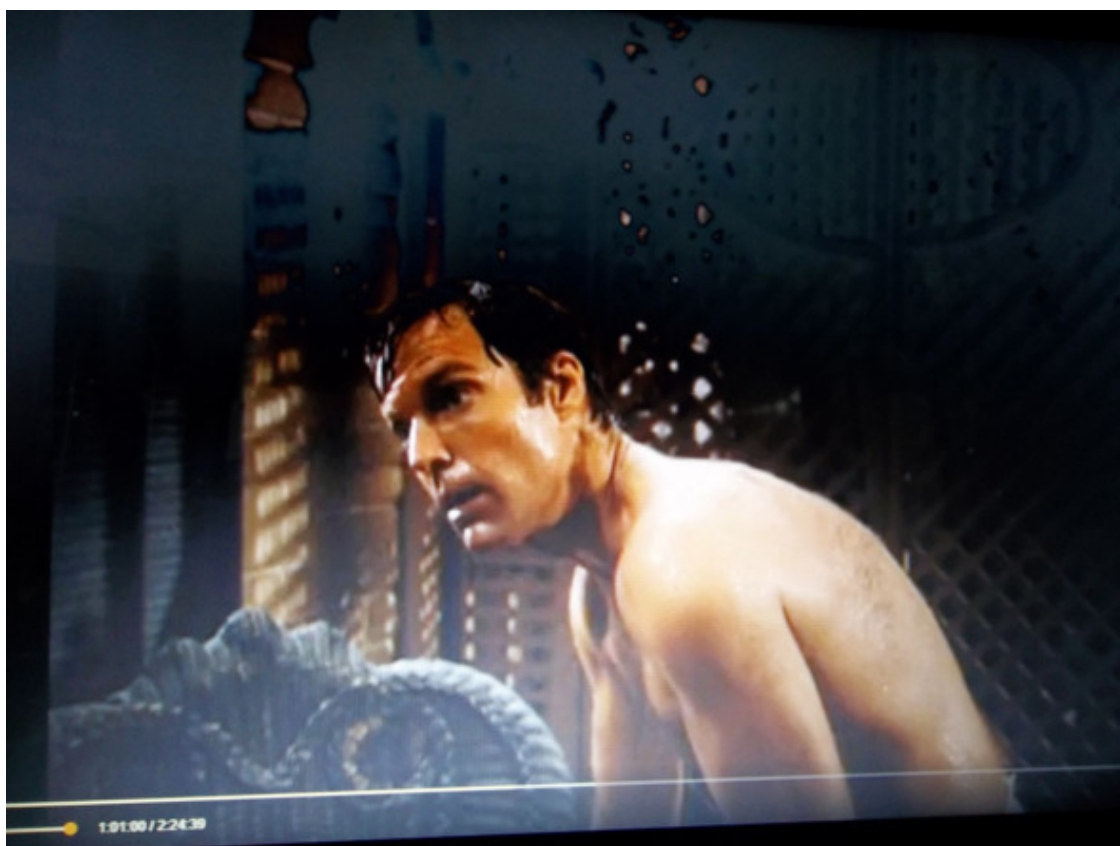
2. У хозяйки пекарни что-то вызывало такое раздражение, что она срывалась на заявления о том, что их малое частное предприятие скоро **ЗАКРОЕТСЯ**. Этим она словно хотела сказать, что все те, кто там работал, останутся без работы. Хозяева пекарни продолжали наживаться и богатеть, а работавшие на них оставались такими же, какими и были. Но хозяева после того, как их подожгли, оказались как в **ДОЛГУ** перед теми, кто помогал им восстанавливать пекарню на другом месте. Хозяевам было нужно, чтобы всё было наоборот, чтобы те, кто на них работал, оставались в постоянном **ДОЛГУ** перед ними за предоставленную возможность работать и получать какие-то деньги. Хозяйка смотрела на тех, кто у них работал, как на каких-то паразитов, которые завелись у них, и от которых нужно было избавляться. Я замечал, как она горлом удерживала какой-то нажим и сдавливание. Она собиралась **ОБЯЗАТЕЛЬНО** удержать что-то за собой, и не собиралась отказываться от какой-то возможности что-то **СДЕЛАТЬ**. Мне часто приходилось слышать вопрос, который задавали друг другу те, кто работал на пекарне: «А куда деваться?», – так, словно не было никакой **НЕОБХОДИМОСТИ** отвечать на него. И так всё было ясно. Деваться было некуда. Я оставлял себя в постоянной готовности уйти оттуда прежде, чем меня **СДЕЛАЮТ** там в чём-то **ВИНОВАТЫМ**.

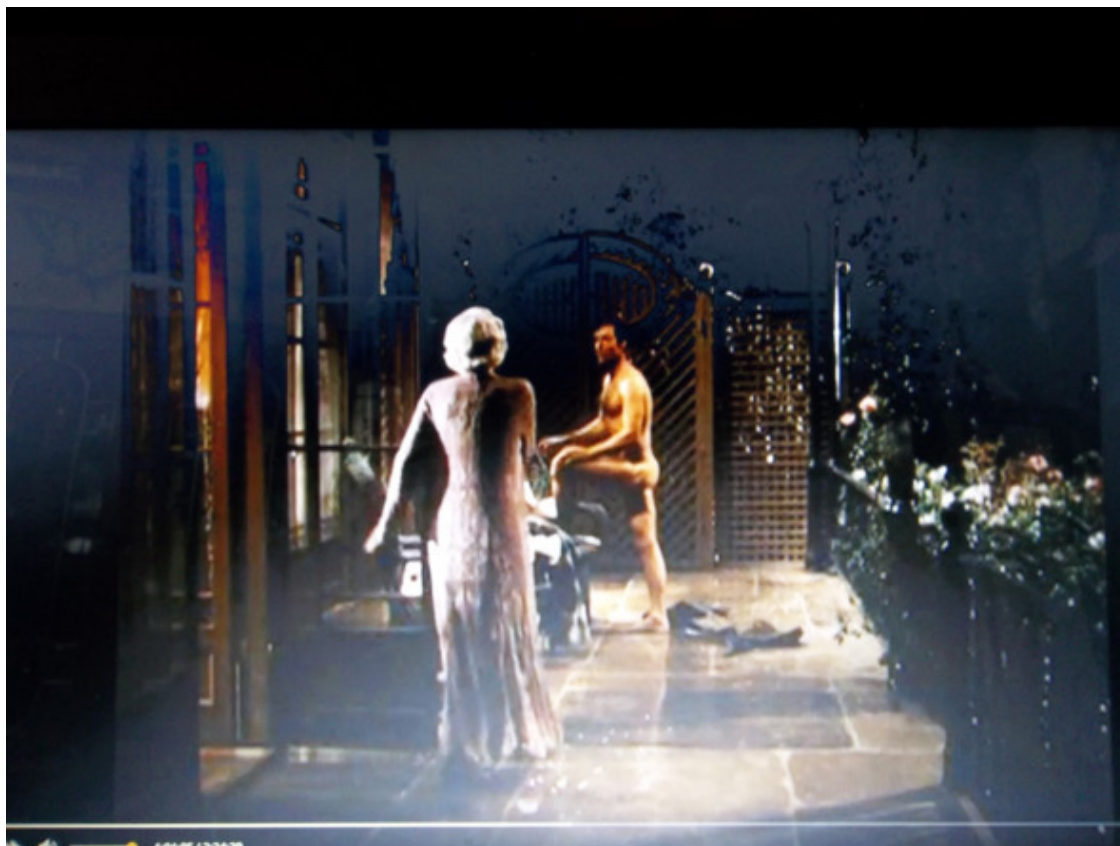
Вечером 11 января обнаружилось, что дома у нас хлеба не осталось, и я решил сходить и купить пару буханок хлеба, и на выпавшем в этот день снегу заметил следы от колёс грузовика, который заехал за ворота пекарни. Если грузовик заезжал за ворота, значит, привозили муку, которую нужно было выгружать. Мне об этом **НИЧЕГО** не было известно. Получалось, я **ПРОПУСТИЛ** разгрузку трёх тонн муки. Мне самому ради сохранения за собой рабочего места нужно было позаботиться о том, чтобы всё знать заранее? Этого я **НЕ СДЕЛАЛ** и остался в этом **ВИНОВАТЫМ**. И это при том, что хозяева удерживали нажим и сдавливание в горле так, словно они постоянно чего-то не договаривали и не собирались чего-то говорить?

Утром я не стал заходить на пекарню, остался стоять на дороге рядом с ней в ожидании появления хозяев с готовностью заявить им о своём уходе прежде, чем они могли бы дать ход своим **ОБВИНЕНИЯМ**. Но старший сын соседа появился раньше их. Он **ДОЛЖЕН** был прийти на работу только на следующий день. Я спросил у него о том, что почему он пришёл на работу на день раньше. Он сказал мне, что пришёл разгружать машину, и позвал меня зайти в ту комнату, где топилась печь, посмотреть, что **ПОКАЗЫВАЮТ** по телевизору. Оказалось, накануне он привёз отремонтированный чёрно-белый телевизор, чтобы время для нас с вечера до утра не так мучительно **ТЯНУЛОСЬ**.

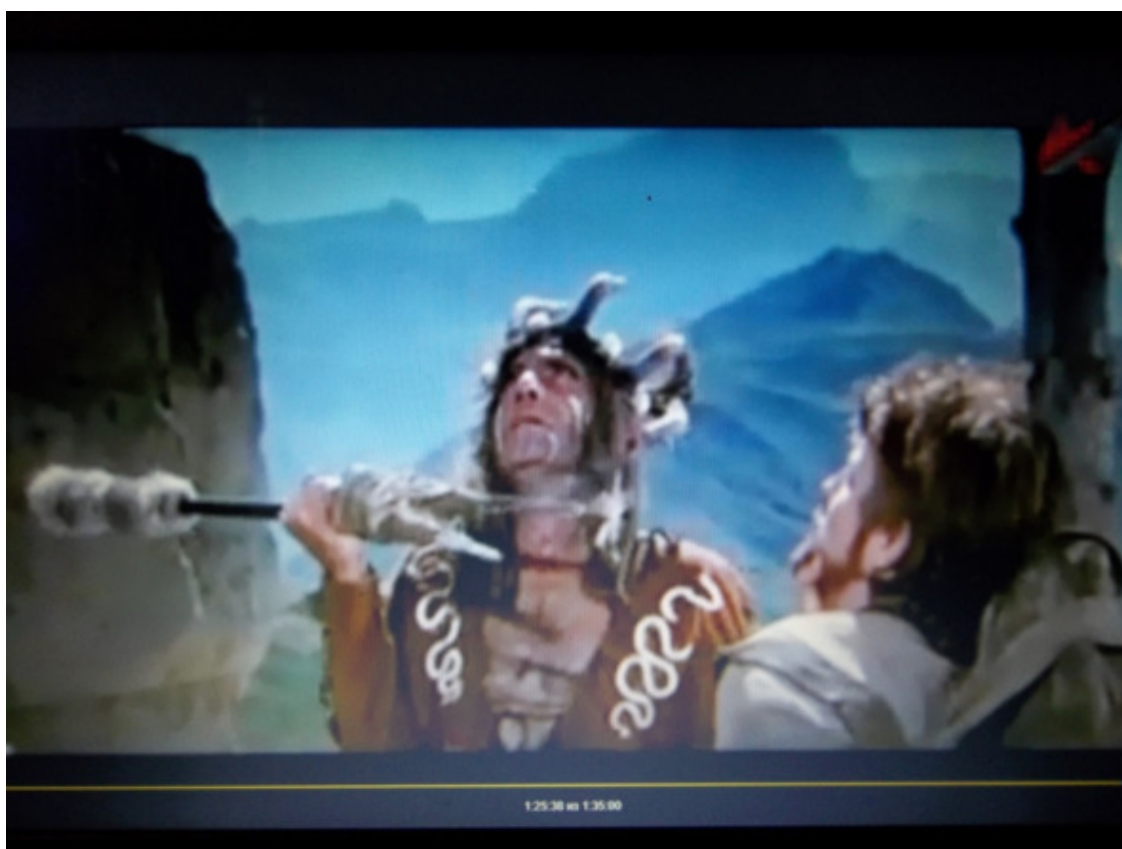
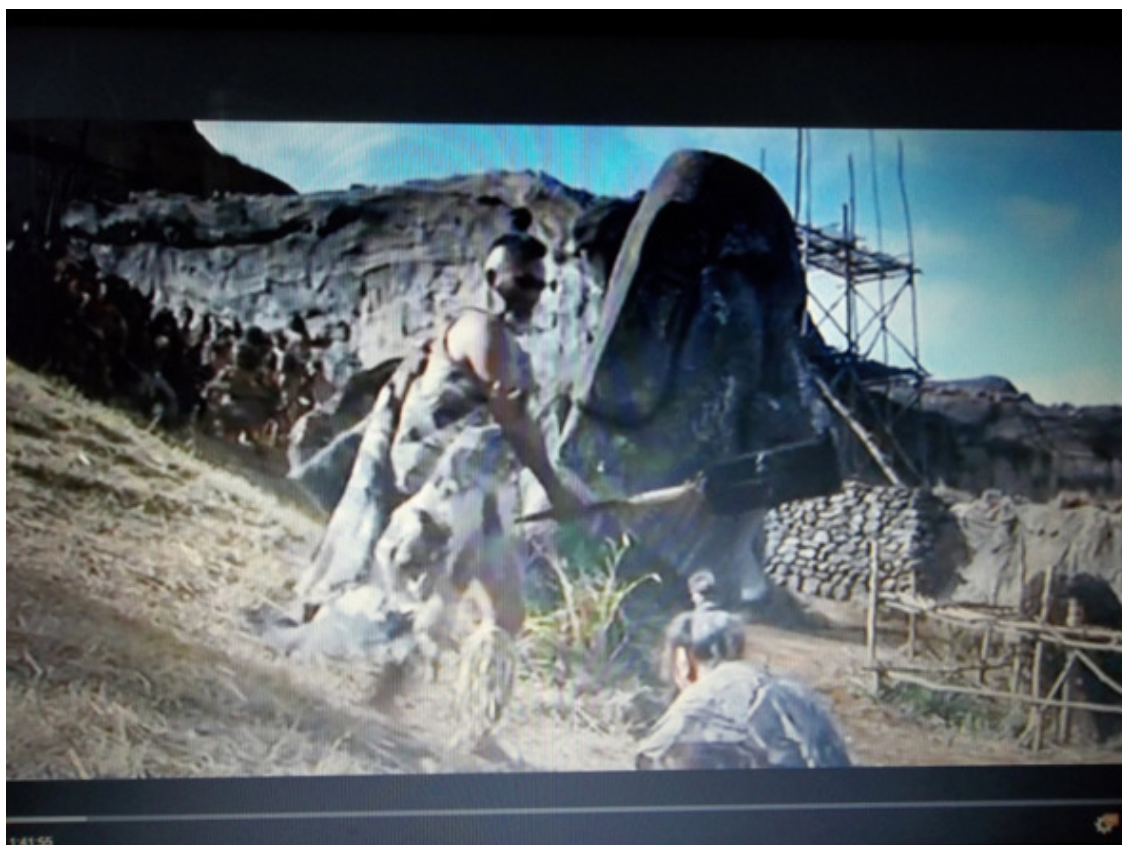
С 12 января 1999 года у меня снова появилась возможность смотреть телевизор. Где-то в середине 1992 года у нас сломался телевизор, и я вместе с отцом стали обходиться без него всё это время. С этого дня у меня начался отрезок, когда жемчужины **ДОЛЖНОГО** обнаруживались мной с помощью телевизора.

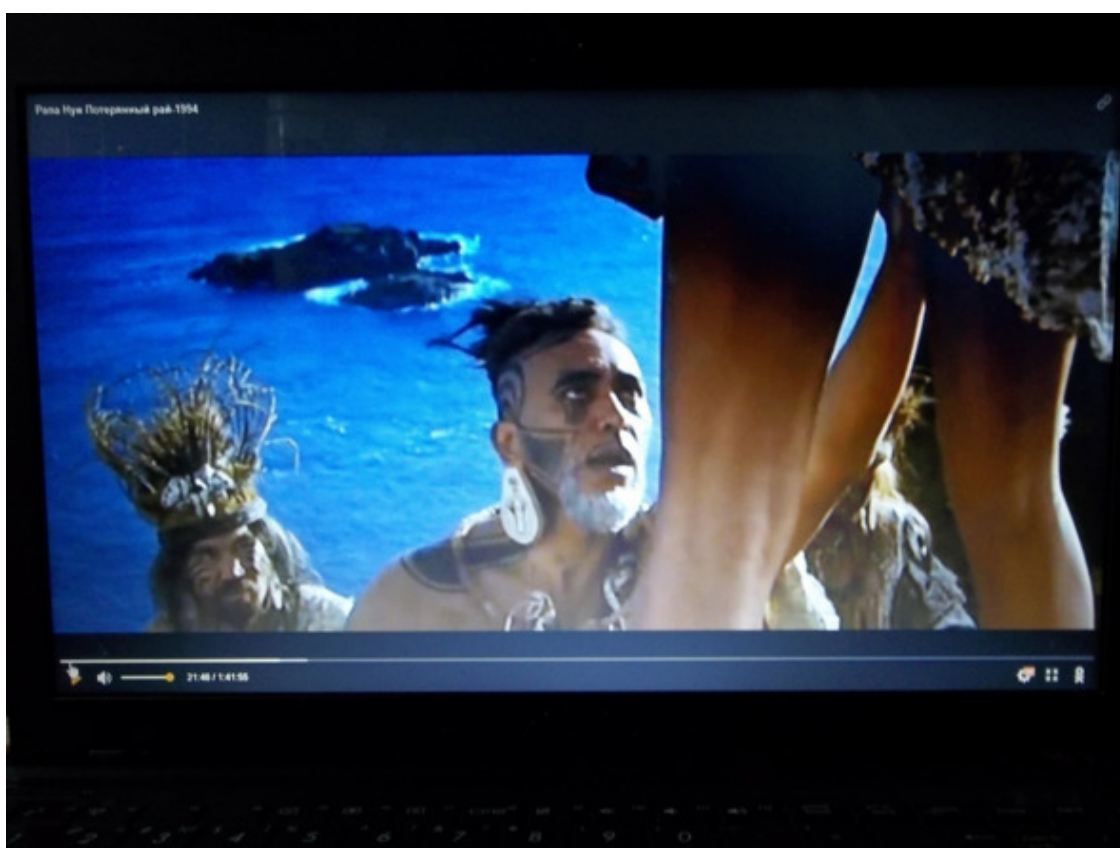
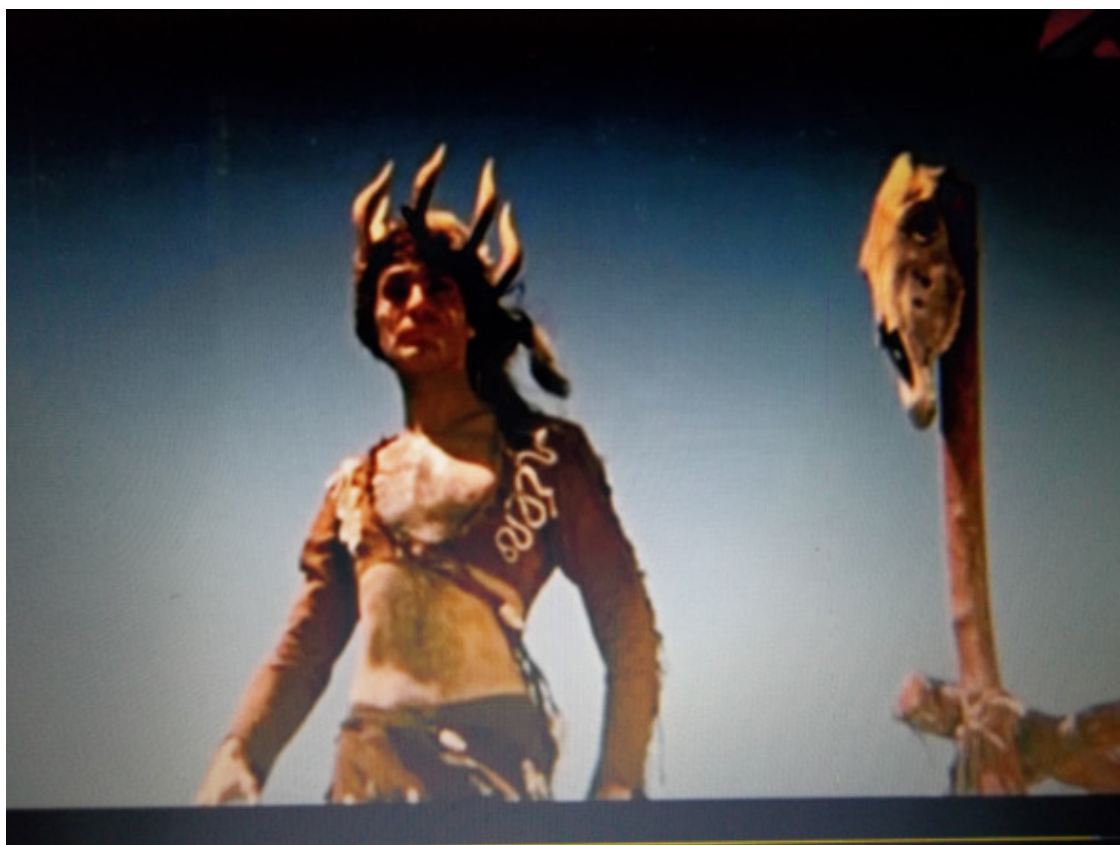
ПЕРВУЮ жемчужину **ДОЛЖНОГО** на этом отрезке я обнаружил в этот же день, вечером. В этот день **ПОКАЗЫВАЛИ** серию из фильма «Поющие в терновнике» (1983). Я обнаружил что-то давно мне знакомое тогда, когда один мужчина, который стал снимать с себя у какого-то дома сильно намокшую от дождя одежду. Когда он принялся вытирать своё **ПОЛНОСТЬЮ** обнажённое тело, его увидела какая-то пожилая женщина, и она сказала ему: «Вы – самый красивый мужчина на свете, Ральф Де Брикассар.» Где-то лет **ДВАДЦАТЬ** назад я это уже видел и слышал.

Вечером 15 января **ПОКАЗЫВАЛИ** фильм «Потерянный рай» (1994), который в нескольких местах оказался давно мне знакомым. Когда я, где-то лет **ДВАДЦАТЬ** тому назад, во **ВТОРОЙ** раз посмотрел фильм «Земля Санникова», то в нём как **НЕ ХВАТАЛО** посоха, похожего на лопату или на весло. У жреца как **ДОЛЖЕН** был быть такой посох. Но его не было. 15 января 1999 года я увидел этот посох в фильме «Потерянный рай». Ударом этого посоха был убит старик, у которого жрец обнаружил запрещённую для ловли рыбу. То, что я увидел в фильме «Земля Санникова», помогло мне увидеть то, что **ПОКАЗЫВАЛИ** в фильме «Потерянный рай». И в том, и в другом фильмах действовали сыновья вождей, девушки, и что-то было **СВЯЗАНО** с водой и дымом. Одно помогло увидеть другое, что-то похожее.

«Безумие», – мысленно произнёс я, когда услышал вопрос одного старика, который решил **ОТЪЕДИНИТЬСЯ** на этом острове от остальных, и который задал этот вопрос сыну

вождя: «Ты видел это?» И меня поразило то, что именно это слово услышал в следующую минуту в этом фильме.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО января, на исходе этих суток, в самый последний час, который оставался до наступления полуночи, меня разбудил звук какого-то удара по чему-то такому, что находилось рядом с домом. Когда я выглянул в окно, увидел **ЛЕГКОВУЮ** машину, которая врезалась в нашу ограду. Желание выйти у меня стало пропадать по мере того, как я принялся развязывать длинный браслет из кожи с такими же пластинками, которые были вплетены в тот ремень, который положил на кровать рядом со спящей сестрой **ДВАДЦАТЬ** третьего декабря. Ущерб от «Волги-24» был не настолько велик, чтобы прибавлять к тому, что уже случилось, ещё несколько неприятных минут разговора с её водителем. А браслет был слишком заметным, и мне не хотелось, чтобы кто-то его увидел. Я почувствовал присутствие той силы, которая была направлена против меня и которая помогла «Волге» **СДЕЛАТЬ** занос в сторону нашей ограды. Расшнуровка браслета заняла у меня слишком много времени, и я решил его себе на руку больше не надевать.

30января 1999 года я **ВПЕРВЫЕ** увидел одну из серий «Секретных материалов», и сильно знакомым оказалось то, как одного человека **ЗАТЯНУЛА** струя воздуха из-за включившегося авиационного двигателя. А включил этот двигатель другой человек, который подобно мне мог увидеть то, чего ещё не было. Этим человеком управлял другой разум.

По телевизору часто **ПОКАЗЫВАЛИ** музыкальный ролик с Валерией Лесовской, которая пела: «Алло! Алло! Звоню опять... А я набираю номер твой...» Где-то с мая 1977 года или 1978 года мне было знакомо то, как она пыталась к кому-то дозвониться, и то, как у неё с головы вместо кудряшек волос свисали разноцветные пружины от телефонных аппаратов.

Но эта жемчужина **ДОЛЖНОГО** не шла ни в какое сравнение с тем, что обнаружилось вечером 11 февраля 1999 года.

Когда я к пяти часам вечера стал подходить к пекарне, то увидел перед самым входом в магазин огромную **КУЧУ** снега, которая сначала скопилась на крыше, а затем под собственной тяжестью сползла по гладкой оцинкованной поверхности и свалилась вниз у деревянного столба с бетонным пасынком прямо перед входом в магазин. Хозяину до моего прихода начал отбрасывать свалившийся снег через дорогу, чтобы **СДЕЛАТЬ** для покупателей проход в магазин. Всю оставшуюся массу снега убирать нужно было мне. Хозяин сказал мне, чтобы я начал перебрасывать всю оставшуюся **КУЧУ** снега через дорогу к ограде детского сада, когда людей станет поменьше.

Через пару часов на этой дороге стало достаточно безлюдно, и я, наклонившись, стал перебрасывать снег через дорогу. И через несколько минут стал обращать внимание на то, что происходит что-то очень хорошо и давно знакомое мне, и сразу вспомнил тот сон, который приснился мне в середине лета 1983 года, пятнадцать с половиной лет назад. В этом сне я словно в воздухе низко завис, вниз животом, над заснеженной дорогой, не понимая того, что, на самом **ДЕЛЕ**, стою, сильно наклонившись к ней. Когда я приподнял голову, увидел какую-то тёмную заснеженную улицу и понял, что это где-то в России. Но для меня совершенно **НЕПОНЯТНЫМ** осталось то, что я там **ДЕЛАЛ**, когда парил над землёй.

Так я получил ещё одно подтверждение тому, что мне суждено было работать на этой пекарне, что это было **ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО**. Когда большая часть от свалившейся с крыши **КУЧИ** была переброшена через дорогу, я решил дать себе передохнуть. И когда выпрямился во весь рост и посмотрел на переброшенный снег, опять увидел то, что было в точности давно для меня знакомым. Я решил зайти в то помещение, где в тепле лежали сложенные у стены мешки с мукой, то через несколько минут обнаружил очень крупную жемчужину **ДОЛЖ-**

НОГО. В эту ночь хлеб предстояло выпекать Нине. У неё были коротко подстриженные волосы, и она предпочитала краситься под блондинку. И она носила очки на пол-лица. И только она из пекарей переодевалась на работе в белую одежду из штанишек и блузки.

Минуты через четыре после того, как я зашёл в это помещение, и она решила **СДЕЛАТЬ** перекур и вышла из той большой комнаты, где стояли электрические печи в эту же комнату. Она закурила и села не на стул, а прямо на мешки с мукой, спиной прислонившись к стене. Я сразу вспомнил то время, когда это **ВПЕРВЫЕ** увидел. Где-то осенью 1972 года я долго смотрел на включенную лампочку в ванной, потом увидел сон, в котором какая-то блондинка в очках и в белой одежде сидит у стены в какой-то комнате, которая освещена была желтоватым светом. Лампочка не свисала с потолка, а была вкручена в патрон, который был прикручен к верхней части стены, как у нас в ванной. И эта лампочка светила над крашенной блондинкой.

Эти **ДВА** моих сна были **РАЗДЕЛЕННЫ** толщей времени в десять лет, но то, что я в них увидел, обнаружилось в течение получаса 11 февраля 1999 года.

Вечером 13 февраля и утром 14 февраля я обратил внимание на то, что чувство спокойствия, которое прежде словно **ОПИРАЛОСЬ** на **ПЛОТНОСТЬ** сытого желудка, оказалось выше и уже находилось на середине груди. **ПЛОТНОСТЬ** спокойствия размером с **РАСКРЫТУЮ** ладонь находилась на середине груди между солнечным сплетением и горлом. Шёл уже шестой месяц после того, как я стал по утрам и вечерам улавливать носом запах табачного дыма. Этот запах иногда становился похожим на запах печёного лука. Бывали дни, они были довольно редкими, когда я не замечал этот запах. Гриппом я не болел уже **ДВА** года. Этот запах не мог не обращать на себя внимание, потому что он обычно появлялся после того, как я заболел гриппом и начинал выздоравливать.

Когда наступило 16 февраля, меня в **ДВА** часа ночи разбудили чьи-то шаги. Кто-то прошёл совсем рядом с нашим домом. Я совершенно отчётливо услышал чьи-то шаги по скрипевшему снегу. Кому это среди ночи вздумалось зайти к нам за ограду и пройти рядом с домом?! Я сорвался с кровати, быстро обулся и вышел из дома. Никого снаружи не было. И в этом было что-то неожиданное. До меня **ДОЛЖНЫ** были доноситься хотя бы звуки чьих-то удалявшихся шагов. И ночью очень многое далеко становится слышимым. Но я совсем никаких звуков не услышал. Тишина стояла мёртвая. Ещё с минуту я стоял и прислушивался, потом вернулся в дом. Обувь не стал снимать, когда лёг животом на кровать. На кровати лежал облокотившись. Предплечья обеих рук находились перед моей грудью. Я лежал в **ПОЛНОЙ** готовности сорваться с кровати и выбежать наружу, если что-то произойдёт. **НИЧЕГО** не происходило. Через пару минут меня **ПОТЯНУЛО** в сон, и тут послышался мышинный шорох. Что-то направилось по полу ко мне, вызвав знакомую мне возвышавшуюся над полом волну движения в мою сторону. Опять кто-то с пола собрался влезть ко мне на кровать, что мне сильно не понравилось. И опять мне **НЕОБХОДИМО** было **УСПЕТЬ** кому-то помешать взобраться ко мне на кровать. И опять я стал злиться из-за того, что не мог пошевелиться. Но какая-то «мышь» с какой-то настойчивостью стремилась взобраться ко мне. Она опять, как кошка, вцепилась за край свисавшего с кровати одеяла и старалась **ПОДТЯНУТЬСЯ** вверх.

Моя голова лежала повернутой как раз в эту сторону, и мне начинало казаться, что я вот-вот увижу эту «мышь». Она **ДОЛЖНА** была **ПОКАЗАТЬСЯ** из-за края кровати, к которому изо всех сил **ТЯНУЛАСЬ**. Она и в самом **ДЕЛЕ ПОКАЗАЛАСЬ**. Я увидел мышь какого-то пепельного цвета с размытыми очертаниями. Она двинулась к моему правому локтю с намерением подняться от него к плечу и к голове. Я пытался изо всех сил заставить себя **СХВАТИТЬ** эту «мышь» левой рукой, злясь на предательскую парализацию своего тела, которую не получалось преодолеть. Кисть левой руки как раз находилась у меня рядом с локтем правой руки. Как только эта «мышь» поднялась к моему правому плечу, кто-то прикоснулся ко мне сзади,

к лопатке моей правой руки. Тут же прошла парализованность моего тела, и «мышь» сразу исчезла. Я **ОТКРЫЛ** глаза и удивился тому, что эту «мышь» увидел сквозь сомкнутые веки.

В этом году **НИЧЕГО** подобного со мной больше не происходило, но зато в следующем, **ДВУХТЫСЯЧНОМ**, году, начиная с 19 января и до 28 декабря, я пятьдесят четыре раза оказывался парализованным. Мне стало ясно, что не стоит торопиться выходить из дома, потому что так я только помогал кому-то пробраться в дом. И в **ДВУХТЫСЯЧНОМ** году мне пришлось познакомиться с разнообразием тех бесплотных существ, которые полезли ко мне.

3. На тот случай, что кто-то мог заболеть, было бы лучше, чтобы хлеб выпекали четыре женщины, а не три. Но их, как всё равно, оставалось трое. Через каждые **ДВЕНАДЦАТЬ** часов одна из этих женщин приходила на работу, чтобы сменить ту, которая уже отработала свои часы, затем приходила третья. Я не мог себе представить того, что как они могут у себя дома что-то **УСПЕВАТЬ ДЕЛАТЬ**. Им же нужно было время и для того, чтобы дать себе отдохнуть после работы. Я поражался их выносливости и, когда **ОПИРАЛСЯ** взглядом на то, как они **ВЫПОЛНЯЛИ** свою работу, мне становилось тяжело. Я оказывался под гнётом той работы, на которую смотрел. После того, как они заканчивали выпекать хлеб, им нужно было ещё браться за мытьё полов. Неужели у хозяйки не было лишних трёхсот рублей, чтобы нанять «техничку»? С течением времени мне стало ясно та причина, по которой «технички» не было. Мытьё полов для меня всё больше начинало выглядеть каким-то наказанием для этих женщин. Их словно оставляли постоянно в чём-то **ВИНОВАТЫМИ**.

НИЧЕГО неожиданного при такой нагрузке не было в том, что выпекавшийся хлеб иногда, случалось, оказывался подгоревшим. Хозяйка считала нужным высчитывать за каждую подгоревшую буханку по четыре рубля, по розничной цене. И для этих женщин было лучше **СКРЫВАТЬ** «сожженный» хлеб и уносить его домой. И за то, что как и сколько им приходилось работать, они считали себя вправе уносить с собой несколько буханок хлеба даже тогда, когда он не подгорал. Получалось, что мытьём полов они отработывали стоимость того, что уносили или что могли унести домой.

Я обратил внимание на то, что у этих женщин на предплечьях какие-то красные полосы находились рядом с теми, что выглядели посветлевшими, и рядом с совсем светлыми. Это были следы от ожогов. Недавние следы от ожогов выглядели красными полосами. Когда они заживали, становились светлее. А совсем светлыми полосами были уже оставшиеся у них шрамы.

Формы с испечённым хлебом эти женщины вытаскивали в многослойных хлопчатобумажных рукавицах, которые очень быстро прогорали. Для хозяев эти рукавицы прогорали и становились **ДЫРЯВЫМИ** что-то очень подозрительно быстро. И эти подозрения словно помогали им **ТЯНУТЬ** с тем, чтобы выдавать новые для тех, кто их как специально прожи гал. Может, эти подозрения даже помогали им не видеть следы ожогов на руках этих женщин?

Эти подозрения в воровстве и причинении ущерба нисколько не мешали хозяевам наживаться на наёмном труде. «Субботники» как **ДОЛЖНЫ** были остаться в прошлом, частью которого они стали. Но хозяева не собирались отказываться от того, чтобы организовывать «субботники», чтобы не платить за **СДЕЛАННУЮ** лишнюю работу.

27 февраля мне в третий раз пришлось участвовать в «субботнике». На этот раз, кроме уборки в самой пекарне, нужно было скинуть снег с крыши и убрать его с территории. Снег вывозился на грузовике. В этот день моя обувь насквозь промокла. На следующий день мне стало ясно, что я заболел. 5 марта я уловил слабый запах печёного лука и подумал, что начал выздоравливать. Но на следующий день вместо того, чтобы усилиться, он пропал. Моя болезнь оказалась такой тяжёлой и продолжительной, как никогда прежде. Кашель, мучавший меня всю ночь, каждое утро проходил, но к вечеру появлялся снова и начинал усиливаться. Голос мой дошёл до хрипоты. Болели и горло, и уши, и **ДВА** ряда, верхний и нижний, коренных

зубов. Каждую ночь в течение трёх недель я мучился от сильной зубной боли. Болезнь словно не собиралась оставлять свою **ХВАТКУ**.

Хорошо, что отец к этому времени получил часть денег из накопившейся за полгода **ЗАДОЛЖЕННОСТИ** по зарплате. Пятьсот рублей он отдал за лекарства и лимоны, чтобы я стал выздоравливать. В очередной раз мне стало ясно, что в одиночку я бы не выжил. Отец потратил больше, чем я мог заработать за месяц. Болезнь лишила меня возможности получить за март несчастные триста рублей. Хозяева, конечно же, не собирались оплачивать мне такой **ПРОПУСК** после их «субботника». Они с самого начала не собирались оформлять меня на работу, чтобы не оплачивать такие **ПРОПУСКИ**. Им же нужно было на всём «экономить». Эта работа оборачивалась для меня больше ущербом и убылью.

Гриппом отец заразился от меня. Несмотря на болезнь, он всё равно решил поехать к своей дочери, чтобы попрощаться с ней. Она с семьёй уезжала жить в Германию. Уехал он 13 марта, а вернулся 17 марта. Вернулся он с оставленным нам чёрно-белым телевизором и с **ДВУМЯ** большими сумками, набитыми кое-какими вещами.

18 марта я отправился на почту, чтобы получить заказанный мной месяц назад **ДВУХ-ТОМНИК** «Мифы народов мира». Томик стихов Лонгфелло наводил меня на мысль, что мне нужно искать кое-какие ответы в стихах настоящих поэтов.

Месяц назад, когда Галя **ДОЛЖНА** была в течение ночи выпекать хлеб. Я заговорил с ней о том, что насколько же обманчив **ОКРУЖАЮЩИЙ** нас мир; что иной раз бывает трудно разобраться в том, как нужно поступать; о том, что самые верные ответы приходится искать в самом себе; и о том, что даже те, кто уже жизнь прожил и постарел, не могут дать нужных ответов, словно они и не жили в этом мире. Заговорил я и о том, что, возможно, есть такие книги, которые помогают найти нужные ответы. Галя сказала мне, что может принести один каталог, в котором такое множество книг, что в нём **ОБЯЗАТЕЛЬНО** могут быть такие книги. Когда я высказал предположение о том, что эти книги могут очень дорого обойтись, потому что **КРУГОМ** такие цены, что боишься что-то покупать, она заверила меня, что цены в этом каталоге ниже, чем на рынке. Через день она пришла на работу и принесла с собой этот книжный каталог.

Я заказал **ДВА** тома энциклопедии «Мифы народов мира», книгу «Омар Хайам в созвездии поэтов» и «Искусство джиу-джитсу» на сумму в **ДВЕСТИ** рублей. Заказ был **СДЕЛАН** с небольшим опозданием, и мне за все книги пришлось на почте отдать триста рублей, весь мой месячный заработок.

Мне по-прежнему становилось страшновато от мысли, что я сам себе только больше помогал **ЗАТЯГИВАТЬСЯ ДАЛЬШЕ** в какой-то губительный обман, растрачивая столько денег и времени, которых мне может **НЕ ХВАТИТЬ** ровно настолько, насколько они были потрачены, чтобы выбраться из какого-то плена, в котором продолжал оставаться. **ДВА** тома энциклопедии были такими большими и толстыми, что прочтение этих книг могло отнять у меня немало времени. Мне не хотелось, чтобы чтение этих книг оказалось всего лишь **ПУСТОЙ** тратой времени.

Когда я взялся читать эти **ДВА** тома, то в **ПЕРВУЮ** очередь стал останавливаться на **ИЗУЧЕНИИ** статей, **СВЯЗАННЫХ** с мифами Древнего Египта, Древней Греции, Древней Индии. Моё внимание привлекла большая статья о значении поэта. В этой статье было сказано, что поэт – это «персонифицированный образ сверхобычного видения, обожествлённой памяти коллектива», что «он знает всю вселенную в пространстве и во времени, умеет всё назвать своим именем». Он, «как и жрец расчленяет первоначальное единство вселенной; устанавливает природу разъятых частей». «Сверхвидение его есть мудрость». «Память о прошлом связывает его с нижним миром». «Он подобен шаману», и «как последний, несёт в себе печать иного царства».

Когда прочитал статью о боге Сете, то решил, что всё его могущество я почувствовал в тот день, когда приехал в Новосибирск и остановился у железнодорожного вокзала. Бог Тот мог иметь отношение к жемчужинам **ДОЛЖНОГО**.

Приобретай мудрость, приобретай разум; не забывай этого, и не уклоняйся от слов уст моих.

Не оставляй её, и она будет охранять тебя; люби её, и она будет оберегать тебя.

Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум.

Высоко цени её, и она возвысит тебя; она прославит тебя, если ты прилепишься к ней; Возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец.

БИБЛИЯ, Притчи Соломона (4: 5—9)

И я, конечно же, не мог **ПРОПУСТИТЬ** статью о богине Афине. О ней было написано, что она – «мысль Зевса, осуществлённая в действии»; что «её место ближайшее к Зевсу»; что «она мыслилась как судьба, что её священные деревья маслины считались «деревьями судьбы».

Именно эта богиня помогала Одиссею в его многолетних странствиях, «которые представляли собой инициацию, которая заключается в выводе за пределы привычного устоявшегося мира, в пребывании какое-то время вне его и в возвращении. И временное отсутствие Одиссея означало его временную смерть. Инициация (посвящение) осуществлялась через переплытие вод смерти и через возвращение на корабле, символе нижнего мира, «преисподней-чревом, куда всё уходит после смерти и откуда всё возрождается вновь». «Инициация осмысливается как смерть и новое рождение и, как правило, мучительная, с потерями, испытаниями».

4. Когда болезнь оставила меня, я вернулся на работу. И только в течение **ПЕРВОЙ** недели я не чувствовал той угнетённости, которую испытывал там. Со **ВТОРОЙ** недели она начала наваливаться на меня. Хозяйка чуть ли не насильно всунула мне в руку пятьдесят рублей: так она возмещала мне потраченные на лекарства деньги.

«Маг появляется таковым из материнского чрева; прочие же, присваивающие себе это назначение, будут несчастны».

Из книги Дуэласа Монро «Практическая магия друидов»

4 апреля по телевизору **ПОКАЗЫВАЛИ** фильм «Я люблю человека в униформе» (1993). И этот фильм оказался местами мне давно знакомым. Из-за одного нежелания **ДАЛЬШЕ** продолжать оставаться **СОУЧАСТНИКОМ** происходившего в мире беззакония, материальных зависимостей и выгод происходит «расшатывание устоявшегося привычного мира» человека и «выпадение» его из общества. Несмотря на то, что отец этого человека был прикован болезнью к больничной кровати, он оставался для него какой-то **ОПОРОЙ**. После смерти отца он **ПОТЯНУЛСЯ** к одной девушке, которая могла стать для него **ОПОРОЙ**, но она стала отстраняться от него. Он мог **ПОТЯНУТЬ** её за собой. Опасения чего-то худшего останавливали её. Она **СДЕЛАЛА** выбор в другую сторону, где ей приходилось соглашаться даже на то, чтобы сниматься в постыдных сценах. И этот человек оказался в **ПУСТОТЕ** и закончил жизнь самоубийством. Он пошёл по пути, который не мог быть для него **ОПОРОЙ**. **НИЧЕГО** не говорилось о пути **ДОЛЖНОГО** и в романе Джека Лондона «Мартин Иден», в котором всё закончилось гибелью главного героя.

Когда по телевидению стали объявлять о скором начале **ПОКАЗА** фильма «Одиссея», я собрался **ОБЯЗАТЕЛЬНО** посмотреть его. В этом фильме могло быть что-то такое, что могло **ОТКРЫТЬ** мне понимание чего-то очень важного для меня.

19 апреля поздно вечером ко мне на работу зашёл сторож из детского сада, тот самый, который **ВПЕРВЫЕ** зашёл ко мне на пекарню 9 октября 1998 года. Недели через три он зашёл ко мне во **ВТОРОЙ** раз утром как для того, чтобы рассказать мне о том, как «Кот» заходил к нему. Ему как **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно было рассказать мне о том, как «Кот» сидел у него

за тем же столом, за которым и я сидел, и о том, как он, уходя, стащил у него с этого стола будильник, и о том, что он вовремя заметил пропажу и побежал догонять «Кота». Он с таким возмущением стал выкрикивать те слова, какими стал называть «Кота», когда забрал у него свой будильник назад, что эти его выкрики можно было услышать во всей пекарне. Хозяева пекарни как раз к этому времени и приходили туда. Этот сторож не мог знать того, что хозяевам сильно не нравилось, когда на пекарню заходили посторонние. Он ушёл до их прихода.

Несколько раз я замечал этого сторожа, когда он издали с какой-то настороженностью и робостью посматривал в мою сторону. Мне что-то не верилось в рассказанную им историю про «Кота» и будильник. Он приходил для того, чтобы покричать, чтобы об этом доложили хозяевам, чтобы я потерял работу. Он приходил для того, чтобы мне так нагадить, и поэтому с такой опаской издали смотрел в мою сторону. Подобных ему **ТЯНУЛО** заходить к «беженцам», чтобы изо всех сил постучаться в двери тех домов, в которых они поселились, и поздно вечером, и среди ночи. Когда дверь перед такими тварями **ОТКРЫВАЛАСЬ**, они вели себя как ни в чём не бывало, словно никакого грохота и не было. Звук пропадал бесследно, и получалось так, словно **НИЧЕГО** плохого они **НЕ СДЕЛАЛИ**. Их как не получалось в чём-то **ОБВИНИТЬ**. Подобные приёмы были на вооружении у многих.

Когда этот сторож заметил, что я по-прежнему, как ни в чём не бывало, продолжал работать на пекарне, он отважился зайти ко мне ещё раз. По всей видимости, у него опять было что мне рассказать. В этот вечер по телевизору **ДОЛЖНЫ** были **ПОКАЗАТЬ** очередную серию из фильма «Горец» с Кристофером Ламбертом, и я надеялся увидеть в этом фильме что-то важное для себя.

Говорить этому сторожу на этот раз было как не о чем. Ему приходилось вспоминать о чём-то, о чём можно было сказать хоть несколько слов. Он на этот раз был подвыпившим и стал отнимать у меня время ещё до начала фильма. Сторожу всё больше и больше времени нужно было для того, чтобы сказать мне о чём-то ещё. Я надеялся, что он уйдёт, когда все слова у него закончатся. Но он не уходил. Что-то его удерживало. И почти осязаемым для меня было то, что его удерживало. Я пытался понять, что же его может так удерживать. В этом фильме я **НИЧЕГО** важного не заметил, потому что этот сторож время от времени мешал мне его смотреть своими бессмысленными вопросами. Сторожа что-то продолжало удерживать, когда и фильм уже закончился. Когда ему уже совершенно нечего было сказать, он стал пытаться изображать на своём лице мимикой и кривляниями то, что у него не получалось сказать. Мне хотелось, чтобы он всё-таки сам ушёл.

Наконец, он как вспомнил что-то и стал **ПРОТЯГИВАТЬ** мне небольшую пластиковую бутылку с самогоном, и так, словно на произнесение каких-то слов его уже **НЕ ХВАТАЛО**, а ещё через какое-то время его **НЕ ХВАТИТ** на то, чтобы продолжать вот так **ПРОТЯГИВАТЬ** мне эту четверть литровую бутылку. Бутылочка была **НАПОЛНЕНА** самогоном больше, чем наполовину. «Зачем она мне? ... Оставь её у себя, потом допьёшь», – сказал я ему. А он продолжал молча мне её **ПРОТЯГИВАТЬ**. Когда я решил взять её у него, чтобы он перестал её так держать, он тут же отёрнул от меня эту руку и **ВПОЛНЕ** отчётливо выругался в мой адрес. Голос был его неуверенным и сдавленным от того, что он **ВПОЛНЕ** понимал, что **ДЕЛАЛ**. Он явно не настолько был пьян, чтобы так мне ответить.

Это ему **ОБЯЗАТЕЛЬНО** надо было **СДЕЛАТЬ**?! Он не мог уйти, **НЕ СДЕЛАВ** этого или что-то подобное? Когда он в **ПЕРВЫЙ** раз зашёл ко мне, уже тогда им было уже задумано **ОБЯЗАТЕЛЬНО** мне как-нибудь нагадить. Когда он пришёл во **ВТОРОЙ** раз, то уже постарался нагадить. Я сорвался с места, на котором сидел, и дал ему пару пощёчин, затрепчин. Он сразу **СКРУТИЛСЯ** в позу зародыша на настиле из досок, на котором можно было сидеть и лежать, и выронил на пол бутылку, которую прижал к себе, когда отёрнул от меня **ПРОТЯНУТУЮ** ко мне руку. Ни минуты больше я не собирался терпеть присутствие этого **НИЧТОЖЕСТВА**. Сначала я подобрал с пола упавшую бутылку, врезал ею пару раз по его

голове, чтобы он лучше запомнил, что она к нему вернулась, потом **СХВАТИЛ** его за шиворот и сдёрнул с настила прямо на пол и потащил его волоком через порог наружу. Снаружи я поволок его к калитке по хорошо утоптанному обледеневшему снегу. За калиткой я протащил его по дороге половину расстояния от неё до калитки в ограде детского сада и оставил его прямо на середине дороги. На нём не было ни шапки, ни кирзовых сапог. Сапоги, скорее всего, слезли с его ног, когда я его тащил. Я решил вернуться назад за сапогами и шапкой, чтобы для этой твари **НИЧЕГО** не осталось такого, за чем **ЕЙ** самой нужно будет возвращаться, и обратил внимание на то, что из окна пекарни за происходившим наблюдала Татьяна. Она не могла не слышать тех слов, которые выкрикивал этот сторож, когда во **ВТОРОЙ** раз он зашёл ко мне на работу. Сторож как раз и рассчитывал на то, что она или кто-то другой расскажут хозяевам про крики, но этого не произошло.

Когда я вернулся к продолжавшему лежать на дороге сторожу, сначала швырнул в него его шапкой, потом запустил в него один сапог, затем – другой. После этого вернулся назад и зашёл к Татьяне, которой стал рассказывать о том, что произошло. Через занавешенное наполовину окно было видно, как сторож стал продолжать **ПОКАЗЫВАТЬ** себя опьяневшим до какого-то безумия. Он стоял босиком, в одних носках, на снегу и приказывал своим сапогам подняться. Потом он босиком направился в нашу сторону, к калитке. «Вот, скотина!! Ему, наверное, мало. Сейчас я ему **ПОКАЖУ!**» – вырвалось у меня, когда я собрался выбежать наружу. Снаружи мне нужно было пробежать метров пять до угла, за которым можно было увидеть калитку. У калитки никого не было. Эта неожиданность меня не остановила, и я пробежал ещё метров десять-одиннадцать до самой калитки. И там увидел сторожа, который оказался уже за оградой детского сада и уходил уже от их калитки. Разве пьяный человек сможет пробежать расстояние большее, чем то, которое мне пришлось пробежать? Он же сразу бросился бежать в обратную сторону, чтобы **УСПЕТЬ СКРЫТЬСЯ** от меня за оградой детского сада.

А его шапка и сапоги так и остались лежать на середине дороги. Я решил подобрать эти его вещи, чтобы он потом мог бы зайти на пекарню и забрать их. У него не было столько денег, чтобы он мог позволить купить себе другие сапоги и шапку.

Утром этот сторож, уже пожилой человек, прошаркал по дороге мимо пекарни без шапки и в каких-то старых ботинках без шнурков. Я решил сказать хозяйке о том, что этот сторож может зайти за своими вещами, чтобы кому-то другому не пришлось как-то объяснять появление на пекарне какого-то постороннего. «Пусть приходит... Пусть забирает всё, что ему нужно! Не нужны мне его сапоги! Пусть забирает!» – хозяйка с такой поспешностью стала отвечать мне, чтобы поскорее **СКРЫТЬСЯ** от меня за той дверью, к которой она сразу направила свои шаги. Она сразу постаралась отстраниться от меня и от произошедшего. Она раз уже оставила меня один на один с болезнью, и вот уже во **ВТОРОЙ** раз постаралась оставить меня один на один с произошедшим. А если бы произошло что-то похуже, чем это, и с последствиями, которые могут оказаться намного худшими, что тогда? Эти хозяева тем более постараются **ОБЯЗАТЕЛЬНО** остаться в стороне? Зачем им чьи-то проблемы? А зачем мне нужна была такая работа?

ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО апреля утром я узнал от Гали, что вечером будет «собрание», на котором всё **ДОЛЖНЫ** были **ОБЯЗАТЕЛЬНО** присутствовать. Это новость вызвала у меня раздражение в крови. Зачем мне это «собрание»? К чему оно было: к худшему или лучшему? У нас что-то могло прибавиться или, скорее, убавиться? Если сами хозяева позволяют себе отстраняться от всего, что считают лишним для себя, зачем мне нужно было их «собрание»? Я, может быть, и не пошёл бы на пекарню ради какого-то «собрания», но в этот вечер как раз мне и так нужно было приходиться на работу.

По всей видимости, хозяева посчитали, что их положение стало достаточно прочным, и решили пойти в наступление на ту сторону, которую собрались оставить **ВИНОВАТОЙ** за союз с чем-то преступным. Хозяйка сорвалась с **ОБВИНЕНИЯМИ** в ту сторону, где стояли

нанятые ими люди. Она стала говорить им, чтобы они не считали, что она с мужем деньги лопатами гребут. Она несколько раз **ПОВТОРИЛА**, что они не могут платить больше.

Мне не понравилось, что эта пекарня стала выглядеть таким местом, где хозяева решили **ДЕЛАТЬ** жизнь по своим **ПРАВИЛАМ**. Мне не понравилось, что хозяйка стала говорить так, словно она **ВПОЛНЕ** могла решать, как и с кем ей поступить, словно её решения могли иметь какую-то судьбоносную роль.

Конечно, они не могли платить больше. Их дочь **УЧИЛАСЬ** в краевом центре, получала высшее образование на платной основе. Ей же нужно было покупать экзамены. К ней же нужно было чуть ли не каждый месяц ездить на машине, которую далеко не каждый мог себе позволить купить, если не **ДВА** раза в месяц, чтобы отвезти ей **ПОЛНЫЙ** багажник продуктов и деньги. У них ещё и сынок подрастал. Ему же нужно будет и купить машину, и дом построить. И дочке нужно будет дом построить и машину купить. На пекарне все работали на благосостояние одной семьи. И у этих, кто там работал, словно не было ни семей, ни детей, и никаких трат, чтобы эти дети могли **УЧИТЬСЯ** в школе. И в школе не было никаких поборов с родителей.

Чем больше эти хозяева говорили, тем больше у меня стали усиливаться подозрения, что они решили избавиться от всех, кто помогал им восстанавливать пекарню на новом месте после поджога и кто никакой платы за это не получил. Хозяин на этом «собрании» решил, что настало самое подходящее время для того, чтобы сказать им за всё **СДЕЛАННОЕ** только «спасибо».

На этом «собрании» все остальные молчали. И я молчал. Мне **НИЧЕГО** не хотелось говорить. И я стал спрашивать у самого себя о причине своего молчания. На этом «собрании» звучал язык денег и язык выгоды. Я **НИЧЕГО** не мог сказать на этом языке. Язык справедливости не мог звучать на этом «собрании», его, всё равно, бы не услышали. Ему там не было хода. Зачем хозяин сошёл с языка денег и сказал «спасибо»? Ради сохранения собственной выгоды?

Когда «собрание» закончилось, я бросился наружу, чтобы забежать в ту комнату, где стол телевизор, чтобы включить его. К этому времени прошло минут **ДВАДЦАТЬ** с начала **ПОКАЗА** последней серии фильма «Одиссея» (1997). И в том отрезке фильма, который ещё оставался, я обнаружил несколько жемчужин **ДОЛЖНОГО**.

С самого начала моей работы на пекарне я раз за разом задавался вопросом: смогу ли я по-прежнему **СДЕЛАТЬ** такой выбор, какой постоянно **ДЕЛАЛ** или из-за опасности **ПОВТОРЕНИЯ** всего того, что нам пришлось пережить в 1995 году, уже не смогу на это решиться? После «собрания» я собрался уйти с этой работы и не собирался с этим **ТЯНУТЬ**. И при этом мне прекрасно было известно о том, что другую работу найти не получится. Хотелось доработать до конца месяца, чтобы получить все триста рублей, а не **ДВЕСТИ**. Но мой уход в конце месяца выглядел бы не таким, как утром. Из-за каких-то ста рублей мне не хотелось начинать превращаться в **СОУЧАСТНИКА** того, что происходило на «собрании». Впереди у меня была ещё ночь, чтобы утвердиться в принятии окончательного решения.

Утром раньше всех пришла та, кого на «собрании» **СДЕЛАЛИ ВИНОВАТОЙ** настолько, чтобы уволить её в **ПЕРВУЮ** очередь. Ей после увольнения нужно было отработать ещё **ДВЕ** недели на пекарне. Она **ПЕРВАЯ** пришла на работу, и я ей **ПЕРВОЙ** сказал о принятом мной решении уйти с этой пекарни раньше, чем меня самого **СДЕЛАЮТ** в чём-то **ВИНОВАТЫМ**.

– Так ты прямо сейчас хочешь уйти? Сегодня? – спросила она меня так, словно то, о чём я ей говорил, оставалось **ОТДЕЛЬНО** от остального.

– Да. Сегодня. Уходить нужно вовремя. С одной стороны нужно остаться, чтобы **ПОЛНОСТЬЮ** получить месячную зарплату, но с другой – не хочется терять что-то более важное из-за каких-то ста рублей. Нужно именно сегодня уходить, чтобы дать этой хозяйке понять, что она не держит в своих руках чьи-то судьбы, что её деньги не имеют никакой **ОПРЕДЕЛЯ-**

ЮЩЕЙ силы, что мир намного больше этого её «острова». После таких «собраний» нужно ждать только какие-то придирки чуть ли не на каждом шагу. Из-за этих ста рублей потерь будет только больше. И этими ста рублями столько **ДЫР ЗАКРЫТЬ** не получится. Чувствуется какое-то волнение... Может, оно возникает из-за понимания, что именно сегодня **НЕОБХОДИМО** уходить? Мне нужно только сказать: «Я больше не приду». Сказать эти слова очень просто. Никакое волнение не сможет помешать сказать эти слова. Сначала я натаскаю мешки с мукой, а потом скажу эти слова.

К девяти часам приехал муж той, с кем я разговаривал, кого решили уволить. Её мужа приняли на работу вместо того, кого уволили в начале октября прошлого года. Ему нужно было загрузиться лотками с хлебом, который отвозился в ещё одно место, где его продавали. И он решил не останавливаться на дороге рядом с магазином, а заехал в двор пекарни, чтобы не таскать лотки наружу через узкий коридор в магазин, в котором было тесновато и нужно было поворачивать то в одну сторону, то в другую. Ему уже проще было с лотками пройти только через **ДВА** дверных проёма к машине, чтобы загрузить её.

Обычно, хозяйка заходила через магазин на пекарню, но в это утро она зашла с той стороны, откуда заехала машина.

– Почему ворота **ОТКРЫТЫ**? – набросилась она на меня с таким вопросом, слово обнаружила какое-то преступление.

– Олег заехал хлеб грузить.

– Почему он здесь его грузит?! – спросила она меня с какой-то враждебностью.

– Наверное, ему так удобнее грузить.

– Тю-тю-тю-тю... тю! – она с таким раздражением передразнила меня, словно я решил кого-то **ПОКРЫВАТЬ**, а из неё **ДЕЛАТЬ** дуру.

«Значит, я не ошибся, когда решил именно сегодня уходить», – подумал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.